

Чуньшен вернулась на рассвете, когда небосвод застенчиво зарумянился розовыми бликами — такими же как летящий шёлк её повседневных одежд. Каким бы высоким ни было её положение, никто не имел права задерживаться в княжеских покоях дольше необходимого. Чуньшен поёжилась, проведя ладонями по лицу — утренние часы в пустыне никогда не отличались теплом и почему-то особенно холодными они выдавались после ночей, проведённых во дворце. Зайдя в покои, она с удивлением отметила густой запах тёплого воска, будто бы свечи на гасили всю ночь. Лёгкая тревога уколола сердце, как розовый шип колет неосторожную руку, и она взволнованно огляделась.

Бай Лао нашёлся сгорбленно сидящим перед низким столиком — растрёпанные волосы и взгляд, устремленный на оставленную после сборов косметику. В руках он теребил алую атласную ленту и был настолько погружён в свои мысли, что даже головы не повернул, когда Чуньшен аккуратно присела рядом.

— Что случилось, а-Лао? — Зашептала она, заправляя тёмную прядь волос за детское ухо.

Прикосновение вернуло Бай Лао в реальность и, вздрогнув, он с ужасом посмотрел на светлое лицо перед собой. Чувство стыда окатило его от макушки до пяток — Чуньшен была его госпожой, а он абсолютно никчёмным слугой, который только и делал, что пренебрегал своими обязанностями и не выказывал должного уважения. Закусив губу, чтобы не расплакаться, он наклонился, упираясь лбом в низкий столик, тщетно пытаясь изобразить нечто похожее на земной поклон.

— Простите этого никчёмного, Чуньшен-ньюйши. Вам не нужно о нём беспокоиться. — Бормотал он сиплым голосом, приглушённым деревянной поверхностью.

— А-Лао, — строго прервала его тираду Чуньшен, заставив Бай Лао съёжиться пуще прежнего, — посмотри на меня.

Бай Лао не смел перечить. Смотреть на Чуньшен было неловко. Только в этот момент он осознал, насколько глупо, должно быть, выглядит — красная подводка, растёкшаяся от слёз, скаталась на щеках мелкими крупинками, искусанные губы местами покрылись свежими корочками. Он инстинктивно втянул голову в плечи, ожидая заслуженного порицания, но Чуньшен вновь его удивила — улыбнувшись, совсем не злобно, по-доброму, она поднялась и скрылась за ширмой, ведущей в личные купальни. Вернувшись с небольшой пиалой и куском ткани, она вновь устроилась рядом.

Мягкость ли ткани или трепетность прикосновений Чуньшен заставили Бай Лао расслабиться, он не знал. Вода приятно холодила стянутую от высохших слёз кожу и он расслабился, глубоко дыша.

— Я хотел быть как ньюйши, — неловко пробормотал Бай Лао, когда киноварь с его лица, окрасила блёклым красным воду в пиале, — таким же красивым.

Чуньшен молчала, долго смотря на ребёнка перед собой. И тяжкий груз осознания сковал

плечи невидимой цепью — она заигралась. Мечта стать матерью, стремление вырастить чужого ребёнка как своего сыграли злую шутку с ними обоими. Бай Лао принадлежал этому миру лишь наполовину и с каждым днём это будет становиться всё более явным — Чуньшен не сможет это предотвратить, как и оградить Бай Лао от всего, с чем ему придётся столкнуться — ненависть, непонимание, злоба. Ей стоило понять это раньше — потакание собственным желаниям, какими бы светлыми они ни были, нужно прекратить.

— Отдохни, а-Лао. Завтра, если захочешь, сделаю тебя таким красивым, каким пожелаешь.

Тонкая кисть красная на самом кончике скользнула под нижними ресницами, словно острый наконечник стрелы рассёк кровавым росчерком бледную кожу. Движение, секундное, мимолётное как взмах крыла бабочки, как прикосновение опавшего лепестка, пощекотало веко и Бай Лао часто заморгал, прогоняя напрашивающуюся слезинку. Чуньшен улыбочиво его пожурила, покачав кисточкой в воздухе.

— Этим абрикосовым глазкам стоит забыть о слезах, если они хотят всё время оставаться красивыми.

Бай Лао кивнул так серьёзно, будто от этого зависела его жизнь. Гордо вздёрнув чуть курносый нос, он позволил щекочущей кисточке мазнуть по второму глазу, упрямо терпя все неудобства.

Алая лента, такая яркая и блестящая, заструилась ручьём гранатового сока по чёрной глади волос — они уже отросли ниже лопаток и легко собирались в простую причёску. Волосы у Бай Лао были густыми, но непослушными и Чуньшен пришлось затянуть ленту так туго, что от одного этого действия у неё самой будто заболела голова, но Бай Лао не издал ни звука.

Сегодняшнее отражение в зеркале разительно отличалось от вчерашнего. Красные линии, ровные и тонкие как прожилки молодого листочка на солнце, изящно обрамляли глаза, подчёркивая глянцевою черноту ресниц. Две тонкие косички искусной вязью бежали ото лба под широкую ленту, что в несколько оборотов плотно перехватывала часть волос на макушке. Звонкая золотая серёжка в левом ухе с камнем, так похожим на зерно граната, больше не выглядела чужеродно. Бай Лао посмотрел в собственные глаза, изумрудные в лучах проникающего в покои солнца, и улыбнулся — острые клыки не пропали волшебным образом за ночь, но вид их померк за блеском тягучего бальзама на губах. Бай Лао не перестал быть ни демоническим отродьем, ни грязным зверёнышем, но, смотря на себя сегодня, отчего-то гораздо проще было принять эту истину.

— Спасибо, нюйши! — Отложив зеркало Бай Лао подскочил на ноги и принялся кланяться так часто, что Чуньшен даже забеспокоилась, не закружится ли у него голова.

Детская радость, такая простая и искренняя, оказалась столь заразительна, что Чуньшен не сдержала смеха, изящно прикрыв рот ладонью. Однако, за ним крылась печаль, словно в шкатулке с секретом она пряталась на самом дне, тёмная и горькая как густой полынный

отвар. Чуньшен огладила взглядом тонкое детское тело — ещё угловатое, но уже изящное словно неогранённый нефрит. И в этот момент вуаль былого наваждения спала. Она прозрела — Бай Лао не был обычным ребёнком, не был человеком и не был демоном — и дело вовсе не в клыках или когтях. Он выросл быстрее, чем Чуньшен могла осознать или принять; даже быстрее, чем он сам мог понять. Всё его естество, вся его сущность стремились к чувствам и переживаниям иного толка, нежели материнская любовь, которой у Чуньшен было так много и которая вновь оказалась не у дел. Едва ли в своём возрасте Бай Лао был в силах это понять или даже просто задуматься — это было так же естественно, как дышать — оно легко читалось в нетерпеливом перекачивании с пятки на носок; в горящем взгляде, устремлённом в залитый солнечным светом сад.

— Знаешь, — заговорила Чуньшен и сердце её больно ударило в рёбра, — тебе ведь необязательно сидеть тут со мной целыми днями. Это не твоя клетка, а-Лао.

Как любой человеческий ребёнок, Бай Лао хотел материнской любви.

Но, как для любой демонической лисицы, она не была для него необходимостью.

До этого дня Бай Лао даже не задумывался, было ли ему дозволено покидать территорию гарема, не имея ни веских причин, ни сопровождения. Заметивший его тогда евнух посмотрел на него в крайней растерянности — по факту, Бай Лао не был ни наложником, ни пленником — князь лишь распорядился поселить его здесь, но более никаких указов не поступало. В конце концов, евнух просто скрылся в тени, позволив Бай Лао продолжить путь.

Гулять в одиночестве для Бай Лао не было чем-то необычным — в деревне он большую часть времени был предоставлен сам себе, но гулять в одиночестве на территории княжеского дворца было неуютно. Казалось, будто все взгляды были обращены на него — слуги, простые суеверные люди, едва ли приходили в восторг, встречая на своём пути демоническую сущность, пускай и в теле ребёнка. Женщины перешёптывались, мужчины странно кривились, лишь взглянув на его лицо, — многие из них только слышали о мальчике-лисице и, даже испытывая суеверный страх, плохо могли скрыть любопытство. Но и к этому Бай Лао было ни привыкать — пускай окружение поменялось, но отношение осталось прежним — его не принимали ни демоны в родной деревне, ни люди далеко за её пределами.

В стремлении скрыться от оценивающих взглядов и несмолкающих перешёптываний Бай Лао и сам не заметил, как пусто стало вокруг. Позади остались цветущие сады, ароматные павильоны дворцовой кухни и переливчато поющие фонтаны; впереди же клубилась жёлтая песчаная пыль и приглушённым эхом звучали мужские голоса и свистящие взмахи оружия. Несложно было догадаться, что по странной случайности запутанные дворцовые тропы вывели его к тренировочному полю.

Из-за бессонной ночи день Бай Лао начался довольно поздно — солнце пекло уже не так сильно, а значит и тренировки не грозили солдатам потерей сознания. На короткий миг Бай

Лао засомневался, стоит ли подходить ближе — в памяти настолько ярко вспыхнуло пламя той злополучной ночи, что, казалось, он вновь ощутил его на залитых слезами щеках. Вспомнился смердящий запах жжёной плоти и крови и предсмертные крики, полные ужаса и боли. Но было и ещё кое-что — тонкий золотой перезвон среди хрипов и рыков отчаяния и агонии. Бай Лао не удалось встретить Фэн Ся возле фонтана вчера. Сможет ли он увидеть его сегодня, среди клубов золотого песка? Посмеётся ли он над видом Бай Лао или, как и другие, отвернётся в отвращении? Узнать хотелось так сильно, что кололо кончики пальцев. И Бай Лао, ведомый этим странным любопытством, поспешил вперёд.

Однако, не дойдя совсем немного до тренировочного поля, его внимание привлёк гул детских голосов и странный скулёж.

— Да держи ты лучше! Не давай ей брыкаться!

— Сам держи, раз такой умный!

Мальчишки, по виду всего на несколько лет старше самого Бай Лао, столпились тесным кружком, то смеясь, то переругиваясь и толкаясь. Одеты они были в простые светло-коричневые одежды и, должно быть, были детьми солдат. Неизвестное занятие так сильно поглотило их, что они даже не заметили протиснувшегося между незнакомого ребёнка.

Открывшийся вид заставил Бай Лао вздрогнуть. Самый крупный из мальчишек, по видимому и самый старший, прижимал к земле собаку, тощую, с выгоревшей на солнце рыжеватой шерстью. Она то рычала, то скулила, клацая зубами и пытаясь окусываться, но не по возрасту сильная рука крепко держала её за холку. Длинные чёрные когти оставляли в утоптанном песке борозды и вокруг клубилось так много пыли, что она покрыла мальчишек тонкой вуалью от макушек до пяток. Два других мучителя, раскрасневшись от усердия, пытались привязать к всклоченному грязному хвосту какие-то гулко грохочущие обломки старых доспехов на верёвке. У Бай Лао сжалось сердце.

— Перестаньте! Так же нельзя! — Закричал он, толкая сидящего на земле мальчишку. Тот от неожиданности выронил верёвку и почти завалился на спину, но успел выставить руку и, проехавшись ладонью по колкому песку, зашипел.

— Ты ещё кто?!

Столпившаяся кружком тройца наблюдателей загудела, словно целый рой разъярённых пчёл.

— Я знаю! — Кричал один. — Это тот лис, о котором все говорили!

— Точно! — Вторил ему другой. — Смотрите, у него и ухо проколото!

Получив новую, куда более занятную, жертву мальчишки разом потеряли всякий интерес к

несчастному животному. Почувяв свободу, собака пружинисто отряхнулась на длинных тощих лапах и в последний раз злобно гавкнув, пустилась наутёк.

— Да какой же он лис, — усмехнулся самый старший, потирая вспотевшие ладони о пыльные штаны, — выглядит как девчонка.

Ситуация иронично повторялась, с той лишь разницей, что на месте несчастной собаки оказался сам Бай Лао, зажатый в кольцо злобных насмешек и презрительных взглядов. Мальчишки были выше и сильнее и явно уже знали, как обращаться с оружием. И это было опасно — в то время как взрослые только недоверчиво косились на Бай Лао, дети, возможно, даже не видели разницы между ним и зверем, которого пару минут назад прижимали к земле.

— Может, тогда к его хвосту привяжем погремущку?

Толчок в спину заставил Бай Лао покачнуться и сделать пару шагов вперёд, чтобы удержать равновесие.

— Да у него и хвоста-то нет!

Противный смех, как те самые осколки старых доспехов, резал слух. Кто-то снова толкнул Бай Лао, но уже в грудь и он всё-таки упал, больно ударившись копчиком и разодрав ладони острым песком. На глаза навернулись слёзы — он снова оказался в горящем доме, на старой циновке, загнанный в угол зверёныш, не достойный ни жалости, ни любви. И он зарычал, впиваясь когтями в горячий песок, как и в ту роковую ночь.

— Ого! Да у него и клыки есть!

— Ну точно зверёныш!

Вся эта ситуация до боли напоминала Бай Лао его прошлую жизнь. С той лишь разницей, что даже лисьи дети, настоящие демоны, не обращались с ним так — смеялись, отказывались вместе играть или просто игнорировали; но никогда не таскали за волосы, не заламывали за спиной руки, не прижимали ноги к земле, чтобы не пинался. Бай Лао не испытывал любви к своей демонической половине. Но неужели его человеческая, к которой он так стремился, таила в себе куда больше злобы и тьмы?

Рык зазвучал громче. Рождаясь где-то на уровне солнечного сплетения, он поднимался выше, сотрясая тяжёлой вибрацией часто вздымающуюся грудь, и лился по округе, теряясь гулким эхом среди бесконечных пустынных песков. Бай Лао и не знал, что он так умеет. Потная ладонь, ещё хранящая запах псины, зажала ему рот; и если бы вчерашний Бай Лао испугался, расплакался и смиренно принял свою участь, твёрдо уверенный в заслуженности этого, то сегодняшний разозлился так сильно, что мир вокруг окрасился алым. Он всегда будет грязным зверёнышем — этой истины не изменить. Но даже грязный зверёныш имеет право на жизнь.

Рот наполнился чем-то вязким, тягучим, горько-солёным — оно обволокло язык липкой плёнкой, потекло в пересохшее горло и вязкими каплями сорвалось с уголков растресканных губ. Чужая кровь на вкус оказалась блаженным отмщением. Чужой противный крик — сладостная музыка.

— Эта зараза кусается! — Взревел его мучитель, отдернув руку. Кровь с прокушенной ладони тонкими струйками бежала к запястью, капала вишнёвым соком на иссушенную пустынную землю.

От этого вида другие мальчишки немного ступедали, ослабив хватку на ногах, и Бай Лао смог извернуться, встав на четвереньки, попутно, кажется, разбив кому-то нос. В этот момент он и впрямь выглядел как зверь — растрёпанные волосы, нос сморщился от рычащего оскала, в уголках губ запеклась кровь, а глаза, подведённые алым, горели яростным огнём. В этот момент Бай Лао был так далёк от всего человеческого, но так безгранично свободен. Он мог бы вонзиться когтями прямо в эти испуганно бегающие глазки, в эти заполошно дрожащие жилки на тонких шеях. Он мог бы...

— А-ну, разошлись!

Низкий голос прогрохотал словно стук кузнечной наковальни и наваждение спало. Дышать стало легче, когда запачканные пылью и потом мальчишки, испуганно расступились, выстроившись перед появившимся генералом.

— Ваши крики слышны на всю округу. Вам придётся хорошо потрудиться, чтобы найти себе оправдание. — Ю Линг обвёл строгим взглядом всю запыхавшуюся толпу, остановившись на Бай Лао. Удивление на его лице выдала лишь приподнявшаяся кустистая бровь. — Шестеро на одного? Хорошее же будущее ждёт страну с такими солдатами.

И хотя Бай Лао, в общем-то, не был ни в чём виноват, строгий голос генерала заставил устыдиться и его. Он остался сидеть на горячем песке, влажном от пота и крови, понурился головой и царапая землю острыми коготками. Мальчишки, столь смелые до этого, и вовсе боялись не то, что слово вымолвить, дышали, кажется, и то через раз.

— Марш на поле. Разберусь с вами позже.

Не считая этого, Бай Лао видел Ю Линга всего дважды и оба раза обстоятельства не были радостными. Как бы то ни было, суровый генерал с длинным шрамом над верхней губой, совершенно иррационально не заставлял испытывать страх за собственную жизнь. Присев перед ребёнком, он тяжело вздохнул.

— Как, скажи на милость, ты оказался здесь?

Бай Лао облизал пересохшие губы, ещё сильнее понурился головой.

— Нюйши разрешила погулять. — Он потёр ноющую лодыжку, что, конечно, не укрылось от цепкого взгляда генерала.

— Нагулялся? — Брови Ю Линга взметнулись вверх. С очередным вздохом он подошёл к Бай Лао, подняв того с земли так легко, словно он и вовсе ничего не весил. — Давай, малец, вернём тебя в безопасное место.

Так странно, думал Бай Лао, какими разными могут быть человеческие руки — грубые, цепкие ладони детей; ласковые и заботливые у человека, что может одним взмахом меча оборвать чью-то жизнь. В кольце этих рук было так спокойно, что Бай Лао, наконец, расслабился, прижавшись щекой в нагретому солнцем доспеху. Во рту ещё тлел противный привкус чужой крови и Бай Лао попытался сглотнуть его с комком вязкой слюны.

— Я не хотел с ними драться. Я больше никогда не хочу.

Ю Линг немного подкинул его на руках, подсаживая поудобнее.

— Лучшие воины те, кто не желает битвы. — Сказал он, уверенно чеканя шаг. — Я вырос в очень бедной семье и единственным шансом выбраться было отправиться в армию — хорошие условия, хорошее жалованье. Я этого не хотел, но у меня не было выбора. Иногда я думаю, стоит ли хорошая сытая жизнь всей этой крови на моих руках. И самое страшное в этом не то, что я делал ужасные вещи, а то, что я до сих пор не могу найти ответа.

В силу возраста Бай Лао едва ли мог поддержать такой серьёзный разговор. Он мог лишь смотреть снизу вверх на волевой подбородок и знать, что руки человека, несущего его так бережно, так аккуратно, никогда не причинят ему вреда. Сколько бы крови на них ни было.

— Ну вот и пришли.

Ю Линг спустил Бай Лао с рук, аккуратно поставив на землю. В нос сразу же залетели ароматы цветущего сада и горьких лекарственных отваров.

Цин Юань, встретившая их на пороге, не повела и бровью, даже крупницы удивления не отразилось на её, как всегда, строго-утончённом лице. В глубине души Бай Лао восторгался этой её сдержанности — когда-нибудь он непременно научится также.

Ю Линг почтительно поклонился и даже от Бай Лао, несмышлёного в глубоких чувствах ребёнка, не ускользнул его взгляд, вмиг наполнившийся радостью встречи и одновременно невыносимой печалью.

— Ваши визиты всегда столь внезапны, генерал, — голос Цин Юань, далёкий горный ручей, даже не дрогнул под натиском чужого взгляда, что так и наполнился чувствами словно неудержимым водопадом. — Кажется, вы спасли нашего маленького лисёнка от опасности.

Даже не знаю, как бы могла отблагодарить вас за это.

Военное воспитание явно не делало Ю Линга красноречивым. Он мог с невероятной грацией орудовать мечом, но перед женщиной, что пленила его сердце, каждое его движение становилось неловким и угловатым.

— Скорее, я буду благодарен за вашу помощь. Мальчонка не промах, но стоит ему подальше держаться от казарм.

Цин Юань с прищуром посмотрела на Бай Лао.

— Можете быть уверены, генерал, я о нём позабочусь.

Горькие отвары Цин Юань, определённо, были волшебными. Спустя каких-то полчаса, Бай Лао уже спокойно шевелил лодыжкой, не испытывая ни отголоска боли. Она даже поправила ему растрепавшуюся причёску.

— Не думаю, что твоя нюйши обрадуется, увидев тебя таким потрёпанным.

За окном уже сгущались сумерки, а Бай Лао не мог оторвать взгляда от собственного отражения в пиале горячего чая — оно зыбко расплывалось, смазанное поднимающимся паром. В зеркале Чуньшен Бай Лао так отчётливо видел себя никчёмным маленьким демонёнком. Отчего же сейчас вода отражала такой нечёткий образ? Ничего ведь не поменялось — та же бледная кожа, те же глаза, обрамлённые алой киноварью.

— Что во мне такого особенного? — Едва слышно прошептал он, вглядываясь в собственное отражение, словно оно было его злейшим врагом.

Цин Юань, сортирующая напротив сушёные травы, улыбнулась ему.

— С чего ты взял, что в тебе есть что-то особенное, мой маленький лисёнок? — Усмехнулась она, заставив Бай Лао удивлённо поднять глаза. — Люди и твари принадлежат к разным породам, а лисы находятся где-то посередине. У живых и мертвых пути различны, лисьи пути лежат где-то между ними; бессмертные и оборотни идут разными дорогами, а лисы — между ними. Поэтому можно сказать, что встреча с лисой — событие удивительное, но можно сказать и так, что встреча с лисой — дело обычное.[1] Люди верят, что от союза лисицы и человека рождается тот, кому уготована великая судьба. Но что такое величие, Лао-Лао?...

Свеча на столе приснула искрами, дрогнув от налетевшего сквозняка.

— ...И что такое судьба? Подумай об этом, когда в следующий раз...

Глаза Цин Юань, блеснув отражением рыжего пламени, недобро прищурились.

— ...захочешь кого-нибудь убить.

Комментарии и примечания:

[1] Цзи Юнь. Заметки из хижины «Великое в малом». — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. — С. 265.

<http://bllate.org/book/14934/1323651>